

ЗИЛЬБЕРТ А. М. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

БАРЯТИНСКИЙ Лев Алексеевич (дворянин). До 1918 — жил в большой нужде, в 1919 — на фронте санитаром, с 1924 — проживал в Ленинграде, работал в Райздраве. Женат на А. М. Зильберт, с 1930 — работал с женой в инвалидной артели. 8 марта 1935 — арестован, 27 марта освобожден, 1 апреля выслан с женой в село Зеренда Карагандинской области на 5 лет.

ЗИЛЬБЕРТ (урожд. Казанович) Анна (Хана) Мовшевна, родилась в Прилуках. С семи лет пошла работать, затем работала чулочницей в Прилуках, Чернигове, Остре и Полтаве, в 1919 — бежала от немцев в Прилуки. С 1924 — проживала в Ленинграде, работала в Институте защиты материнства и детства. Вышла замуж за Льва Алексеевича Бяратинского, с 1930 — работала с ним в инвалидной артели; активно занималась общественной работой. 1 апреля выслана с мужем в село Зеренда Карагандинской области на 5 лет.

В апреле 1936 — обратилась за помощью у Е. П. Пешковой.

«14-го апреля 1936 г<ода>».

Тов<арищ> Пешковой Екатерине Павловне

От ссыльной Зильберт А. М.
Адрес: село Зеренда Карагандинской
обл<асти>, ул<ица> Кирова, 36

Заявление

Тов<арищ> Пешкова обращаюсь к Вам с сердечной просьбой о пересмотре моего дела высылки меня из Ленинграда. Я целый год никуда не обращалась, я верила, что люди, осуждающие меня так жестоко после большой и нужной работы, может быть, наткнутся на мое дело и поймут, что они сделали ошибку, но, к сожалению, эта вера довела нас до ужасного морального и материального состояния. Я уже целый год без работы и на свободе истерзала себя вопросом, за что, но ни с какой стороны не нахожу ответа. За всю свою жизнь я не знаю за собой преступлений, за которое можно было бы отнять у меня имя той точной работницы, которой я везде была, что хуже, чем меня бы лишили жизни. Мой муж и я, мы работали последние 5 лет в инвалидной артели им<ени> К<лары> Цеткин. Мой муж работал механизатором, а я в цеху, все 5 лет он был лучшим ударником, несмотря на то, что он инвалид 1-й группы, туберкулез легких. Он выполнял всегда пром<ышленный> фин<ансовый> план до 200%. Надо было узнать, что часто он работал ночами и часто в свободные дни один под замком. И этот труд его часто премировали наградами, почетными грамотами и вещами. Так проработал он 4½ года. В 1935 г<оду> у нас сменили председателя управления, и у нас вдруг вместо одного механика появилось 3 механика. Сначала мой муж присматривался к ним, молчал. Я же, будучи членом правления все годы работы в этом предприятии, этим вопросом очень заинтересовалась, но, к сожалению, на все вопросы, почему механики ходят без дела, добросовестно молчали.

Ну, дальше дело пошло так, что два механика по углам, по уборным получали жалованье за грязные разговоры, за клевету, правда, меньше, чем получал мой муж. Все время шла борьба, чтобы ему снижали, но администрация никак этого не могла сделать, все же он был у них лучший. Они знают, что это не шкурник, работал до того, что падал тут же с кровохарканьем, от бюллетеней он всегда отказывался. Не забыла она и

того, что он дал рационализацию, которая работает и сейчас, не получив за это ни одной копейки.

Работницы смеялись над ним, говоря, дураков работа любит. Он возмущался и отвечал — не беда, было бы моей артели хорошо. Но все же не мог он смириться с тем безобразием, чтобы люди получали 500 руб<лей> в мес<яц>, совершенно не работали. В это время, когда его рвали на куски, причем, люди здоровые, но на жалобы работниц администрация была глуха. И в довершение всего в один прекрасный день мой муж не дал вынести одному из механиков машинные части из предприятия. За это он обещал ему побить, как он сказал, морду, наградил его матом и сказал, что меня запомнишь. Сказал он правду, мы его помним, оказалось, что он пришел к нам работать вместе с председателем из одного места. Я не хочу сказать, что председатель его поощрял, ни в коем случае. Хотя нам он принес больше несчастье, но это лучший коммунист. Но дела много и у него. Мой муж носит имя дворянина, и великое свое горе. При рождении ему дали фамилию Барятинский. Его родили и бросили на произвол судьбы и с дворянским именем. Он всю жизнь, т<о> е<сть> до 24 г<ода> жил в таком голоде и нужде, как может быть жили немногие. В 1924 г<оду> в учреждении, где работала я, пункт охр<аны> млад<енцев>; тов<арищ> Николаева Клавдия его направила в райздрав, откуда он пришел работать, она же его отправляла на фронт — это был отряд, подарок от рабочих. Он был в отряде санитаров. И вот, когда он был прислан в пункт на работу, я долго за ним наблюдала и убедилась, что это труженик честный, который за делом забывает себя, а для меня имя Барятинский — это был пустой звук, я в жизни дворян не знала. Это был труженик и таким же он для меня и для всех, кто его знал и с кем он работал, остался и до сего дня. Вся его жизнь проходит на работе и дома за книгой. Общественной работой, в противоположность мне, он не занимался и только по состоянию здоровья, на работе очень уставал.

8-го марта 1935 г<ода>, в день моего великого праздника, его арестовали. Просидел и пролежал он в больнице до 27 марта 1935 г<ода> и без объяснений выпустили и 1-го апреля 1935 г<ода> вызвали и вручили бумагу о выезде; и после года у нас осталось очень тяжелое положение. Я здесь свои руки не имею, куда приложить, так как работать я могу только на производстве, а здесь их нет. Муж, к несчастью, тоже должен был сделаться кустарем. До сих пор еще тянули, а теперь даже не зарабатываем, чтобы уплатить в фин<ансовый> отдел.

Мое соц<иальное> происхождение. Я родилась на Украине в гор<оде> Прилуках Полт<авской> губ<ернии>, в нищей еврейской семье, работать у людей я начала с 7-ми лет, жила впроголодь.

До 1919 г<ода> я работала чулочницей в Прилуках, Чернигове, Остре и в Полтаве, откуда я бежала, когда пришли туда немцы и Махно. Я работала у еврея-антисимиста, и за избиение работницы я выступила в Совете, где ему не поздоровилось, через немцев он обещал мне отблагодарить. Я пять дней сидела в подвале, а потом пришлось бежать домой. Дома старики-родители уже давно голодали, отец работал ночным сторожем и не мог даже кормить себя и мать. Я сдала свой паспорт и решила ехать в Ленинград.

Когда начали наступать на наш город банды, я вынуждена бежать, как можно скорее. Мои разговоры не нравились, меня называли социалисткой. Когда пошла за паспортом, мне обещали через две недели, это шло время русской пасхи, мне посоветовали взять паспорт у моей подруги. Я, не раздумывая, взяла, не подумав, что это даст мне муку на всю жизнь. Я решила, как только приеду, я ей верну его обратно. Но, к великому сожалению, и простое письмо не доходило до места назначения. И так я связалась себе на великое несчастье. Началась прописка, биржа

труда, хлебная карточка и служба, и стала я вместо Казанович, имя которое я так любила, Зильберт. Но во время паспортизации я все это объяснила, где нужно было, письменно и устно, указав всю жизнь со дня моего рождения, точно, где жила, работала, имена хозяев. Паспорт я получила, тоже самое я рассказала и на допросе в НКВД, когда был арестован муж.

И все же я считаю, что слишком тяжело я наказана, если только за то, что я не хотела пасть от рук палачей, на моей совести нет пятна за 16 лет жизни в Ленинграде. За все 16 лет я везде считалась честной работницей, много раз премировалась, имею 3 грамоты, как хорошая ударница и общественница. Чужой паспорт причинял горе только мне. Все годы у меня было чувство я и не я, и это меня очень угнетало. На моей совести нет пятен, кроме этого, я не могла его вернуть, как думала.

Семья моя живет в Ленинграде с 1919 г<ода>. Отец получал пенсию, как инвалид труда с 1920 по 1934 г<ода> вплоть до смерти. 1) сестра-работница имеет рабочий стаж 35 лет, работает сейчас на "Треугольнике". 2) сестра <имеет> рабоч<ий> стаж и служба около 10 лет. 3) рабоч<ий> и служ<ебный> <стаж> 27 лет работ в Институте охр<аны> мат<кри> и млад<енца>. Сын наш был рабочий, сейчас военный инженер, лично имеет стаж рабочий и служебный стаж 10 лет.

Еще раз, тов<арищ> Пешкова, сердечно прошу Вас, не оставить моей просьбы пересмотреть дело Зильберт и Барятинского. Нам обоим тяжело и еще больнее смотреть на него: он еще молодой, он совершенно не жил, жизнь он узнал только при рабочей власти, когда в нем кипит, он жил только работой и болезнь забывал. Ему только 30 лет и страдает он только, что ему дали имя Барятинский как будто для того, чтобы всю жизнь был заклеен, а вместе с ним и я за то, что мы хотели иметь хорошо и честно отдавать свой труд. Я верю, что найдутся люди.....что из-за клеветы, не разобравшись, нас обоих оторвали от труда и людей, от всей жизни вообще.

Зильберт А. М.

Мой адрес.
Карагандинская область,
село Зеренда, ул<ица> Кирова 36.
Зильберт А. М.»¹

---

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1482. С. 132-142. Автограф.